№ 97 (236). Варшава, Воскресенье 1 мая 1921 г. изд. Год II

СВОБОДА

РОССІЯ. СОЮЗ НАРОДОВ. УЧР. СОБРАНІЕ. ЗЕМЛЯ-НАРОДУ. ЗАКОН. ПОРЯДОК.

Ближайшіе сотрудники: Б. В. Савинков, Д. С. Мережковскій, З. Н. Гиппіус, Д. В. Философов, А. А. Дикгоф-Деренталь.

Собственные корреспонденты: В Польшѣ и за границей

Адрес редакціи и конторы: Новый Свѣт № 22, кв. 47, тел. № 258-34. Редактор принимает от 12 до 1 час дня.

Рукописи не возвращаются.

Цѣны объявленій: За одну строку петита: Впереди текста 50 марок, среди текста 90 марок, некрологи 30 мар., рекламы 30 мар., обыкновенныя 25 мар., мелкія за слово 6 мар.

Подписка: В Польшѣ в мѣсяц 200 мар. за границу 250 мар.

Цѣна номера 10 мар.

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЛИТЕРАТУРНАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ.

ЗА РОДИНУ И СВОБОДУ.

ВАРШАВА, 1 мая.

Праздник Воскресенія.

Праздник весны, праздник Воскресенія наша родина вновь встрѣчает неумиротворенной и неуспокоенной, в тяжких страданіях и мучительных тревогах. Мира нѣт и во всем человѣчествѣ. Идеалы братства и любви, завѣщанные Учителем почти двѣ тысячи лѣт назад, звучат горькой насмѣшкой при видѣ того, „чѣм живы люди" в наше время осуществленія „земного рая". Никогда еще, может быть, не выявлялась в таком обнаженном видѣ вражда людская, никогда еще homo homini lupus, как закон жизни для людей, не звучало так грубо и так властно, так неприкровенно и так безапеляціонно. И никогда еще мір не был свидѣтелем такой беззастѣнчивой эксплуатаціи великих слов о равенствѣ и братствѣ, такого „использованія" лучших чаяній страждущаго человѣчества в интересах, прямо им противоположных.

Но именно то, что для водруженія режима насилія и вящаго гнета, враги человѣчества нашли необходимым прибѣгнуть к использованію идей любви и братства, — и только этим способом могли на время помрачить разум народа и умертвить его дух,—доказывает силу и торжество этих идей. Зло могло утвердиться временно только потому, что приняло личину Добра,—того Добра, к которому неизбывно тяготѣет человѣчество.

И вот разсѣевается этот послѣдній обман, преодолѣвается послѣдняя ложь,—и близится момент возрожденія жизни и торжества истинной Любви.

Оторванные от своих братьев, разсѣянные по всѣм углам міра,—мы явственно слышим приближеніе этого радостнаго срока.

Грядет Воскресеніе Россіи — и потому в церквях сегодня слова „Христос Воскресе", которыя поют особенно ярко, отдаются в нашей душѣ, подтверждая предчувствія великих обновленій...

К открытію Лондонской Конференціи.

30-го апрѣля началась лондонская конференція, которая должна рѣшить участь Германіи. Симонс в своей послѣдней рѣчи о внѣшней политикѣ Германіи в рейхстагѣ, утверждал, что рѣшается участь не только Германіи, но и Франціи,—что оба эти великих европейских народа зависят друг от друга и что судьбы Европы в их руках—но только к сожалѣнію, до сих пор они жили во враждѣ и, как кажется, и по сію пору не уразумѣли, как важно для них жить в ладу и мирѣ. В той же рѣчи Симонс горько жаловался, что Антанта два года обсуждала, сколько ей взять с Германіи, а нѣмцам, дала на размышленіе всего лишь 24 часа, что это, как и многое другое, противорѣчит условіям версальскаго договора. Договор этот—говорил германскій министр иностр. дѣл—в главном выполнен Германіей. Армія ея сведена к 100,000 человѣк, хотя на границах с Польшей и стоит 300-тысячная польская армія. Герм. правительство попросило гарантій, что польскія войска не вторгнутся в Германію, что паровозы, которые Германія, по договору, доставила Польшѣ, не будут употреблены против нея, для перевозки войск. Совѣт послов отвѣтил, что бояться нечего, что на границѣ стоит всего $1/3$ польской арміи, и армія эта демобилизуется. Но информація, полученная Симонсом, опровергает это — у германской границы стоит болѣе половины польской арміи.

Франціи Германія теперь не страшна. У нея всего 100 тысяч войска, а у Франціи 800 тысяч, у Бельгіи 120,000, и у Польши — 600,000. Так что недостаточное—будто-бы—разоруженіе Германіи никак не может служить основаніем для введенія „санкцій". Германія будет искать соглашенія и мира с Польшей, но относительно Верхней Силезіи, по мнѣнію нѣмецкаго министра, не может быть сомнѣній—она должна остаться нераздѣльной. Даже та часть населенія, которая голосовала за присоединеніе к Польшѣ, не хочет раздѣла и, по увѣренію Симонса, предпочитает перейти к Германіи.

В этой своей послѣдней рѣчи Симонс коснулся также и „стремленія на Восток". Причем, отзывы его о совѣтской власти весьма характерны. Подчеркивая связь между германской коммунистической партіей и россійской, он говорил однако, что точных данных о вліяніи сов. правительства на возстанія в средней Германіи у него не имѣется, — что каждую из этих партій слѣдует разсматривать особо, — уже в виду тѣх новых тенденцій в своей хозяйственной политикѣ, которыя проявляет сов. правительство и его экономических „реформ". Прибывшій в Берлин представитель сов. правительства явился с опредѣленными предложеніями, и эти предложенія будут разсмотрѣны. Нынѣ Германія вынуждена будет искать сбыта на востокѣ. Россія не сможет поднять свою промышленность без нѣмецких машин. А возрожденіе русской промышленности в интересах цѣлаго міра. Ибо послѣдствія войны могут быть устранены только общей работой.

В общем, несмотря на то, что германскія предложенія охарактеризованы во Франціи, как недостаточныя и непріемлемыя, даже смѣшныя, Симонс не теряет надежды, что переговоры, все таки будут.

Между тѣм, в Лондон с'ѣхались уже всѣ участники конференціи. Сущность новых германских предложеній уже извѣстна всѣм и обсуждается в печати и парламентах; однако же по свѣдѣніям Пат'а до 29-го Союзныя правительства оффиціально не получили увѣдомленія о них ни от Германіи ни от Соед. Штатов. Поэтому, возможно даже, что они совсѣм не будут обсуждаться на конференціи Верховнаго Совѣта и что она займется только новыми принудительными мѣрами и вопросом о Верхней Силезіи, который будет поставлен на очередь в понедѣльник, но лишь в общих чертах, ибо еще не выяснены всѣ экономическія данныя, которыя должны быть приняты во вниманіе при раздѣлѣ.

Положеніе таково: Франція опредѣленно хочет оккупировать Рурскій бассейн, не только потому, что это может дать, по отзывам финансовых экспертов, около 2-х милліардов марок золотом в год, но и потому, что ей желательно обезопасить себя со стороны Рейна от своего извѣчнаго врага—как о том прямо заявил Бріан представителям иностранной печати. Англія долго колебалась, предпочитая санкціям полюбовное соглашеніе, но Ллойд-Джордж дал себя убѣдить, что занятіе Рурскаго бассейна будет выгодным и для Англіи, ибо подымет цѣну на нѣмецкій уголь, который раньше нѣмцы продавали по 14 марок за тонну, в то время как англичане свой могли продавать не дешевле 32-х; теперь же, при налогѣ в 20 марок с каждой тонны угля, он будет стоить 34 марки,—дороже англійскаго. И, слѣдовательно, Англія будет избавлена от опаснаго конкуррента. Бельгія всецѣло на стороны Франціи. Италія готова оказать моральную поддержку, но участія в карательных мѣрах сама не примет.

Невыясненной остается до послѣдней минуты позиція Америки. Открыто она пока не высказывается. По свѣдѣніям лондонскаго агенства Рейтера из Вашингтона, Гардинг, склонен продолжать переговоры с Германіей, в надеждѣ убѣдить ее принять условія пріемлемыя и для держав Согласія. И потому он против занятія Рурскаго бассейна, пока не будут исчерпаны всѣ возможности к соглашенію. Об этом, утверждает Рейтер, будет дано знать Франціи, а, если Франція будет упорствовать, Америка попросит Англію и Италію не поддерживать ея, на лондонской конференціи.

Весь этот сложный переплет заставляет с особенным интересом ожидать результатов начавшагося сегодня совѣщанія.

Политическія Новости.

(Телеграфныя извѣстія собственных корреспондентов и сообщенія мѣстных агентств).

Покушеніе на латвійскаго премьера.

28 апрѣля в Баускѣ, гдѣ происходило засѣданіе латвійскаго учредительнаго собранія, в под'ѣхавшаго к зданію парламента предсѣдателя совѣта министров была брошена ручная граната. Автомобиль легко поврежден. Ранен полицейскій. Покушавшагося задержать не удалось. (Оріент).

Месть повстанцев.

Извѣстная коммунистка, а в послѣднее время комиссар просвѣщенія в Минскѣ, Фрумкина-Вихман, в ночь с 15 на 16 апрѣля повѣшена в саду против гор. театра террористическим отрядом бѣлорусских повстанцев. (Край).

Забастовка в Гливицах.

Забастовка в угольных копях в Гливцах в В. Силезіи продолжается. Горнорабочіе других округов угрожают об'явленіем всеобщей забастовки в виду того, что всѣм бастующим рабочим об'явлен разсчет. Положеніе очень напряженное. (ПАТ.).

Выборная кампанія в Италіи. Программа Нитти.

РИМ, 27.IV —Бывшій премьер, предшественник Джіолитти, а нынѣ глава оппозиціи Нитти опубликовал письмо к избирателям, в котором он излагает свою политическую программу. — Он против роспуска парламента, изображает нынѣшнее положеніе Италіи в мрачных красках и требует, чтоб внѣшняя политика Италіи руководилась тѣми принципами, во имя которых Италія приняла участіе в войнѣ. Тогда и Англія будет поддерживать Италію. Далѣе Нитти указывает на необходимость общаго экономическаго возрожденія Европы, а для этого хотя и нужно, чтоб Германія заплатила за причиненные ею убытки, но не слѣдует лишать ее возможности самой оправиться.

Результаты выборов в Бельгіи.

БРЮССЕЛЬ, 27.IV. — Вопреки ожиданіям, участіе женщин в муниципальных выборах не дало особаго торжества клерикалам, но содѣйствовало пораженію соціалистов. Либеральная партія, которую считали заранѣе обреченной, удержала свои позиціи, мѣстами даже укрѣпила их. В Антверпенѣ, гдѣ соціалисты были увѣрены в побѣдѣ, они разбиты. В Брюсселѣ получили 14 мѣст либералы и 14 католики, соціалисты 9. В общем, избиратели высказались против политики соціалистов во всѣх тѣх округах, гдѣ до сих пор заявляли о себѣ крайніе элементы.

Кровавыя столкновенія в Туринѣ.

РИМ, 27.IV.—В Туринѣ произошли кровавыя столкновенія между фашистами и соціалистами в отместку за то, что коммунист застрѣлил инвалида, вернувшагося с войны.

1 мая 1921 года.

Праздник, — символ единства задач и цѣлей рабочаго класса всего міра, день, — демонстраціи и подсчета сил міровой арміи труда, праздник, — всемірной солидарности рабочих, день перваго мая, вот уже нѣсколько лѣт является в сущности днем печали и траура для тѣх, кто на своей спинѣ чувствует результаты глубокой и тяжкой болѣзни, переживаемой рабочими массами, и кто умѣет дать себѣ отчет в том, что происходит.

Но, кажется, никогда еще с того момента, как зародилась идея „перваго мая", день этот не встрѣчался рабочим міром в таких тяжелых условіях, как в настоящем году, — и не столько в смыслѣ внѣшняго матерьяльнаго положенія рабочих, как в отношенія самаго смысла этого праздника.

Было тяжело, бывало очень тяжко, да! но давил внѣшній, так хорошо извѣстный враг. На борьбу с этим извѣстным врагом и встали об'единенныя рабочія массы. С безконечными колебаніями в ту и другую сторону, борьба ведется уже который год. И ждать бѣды отсюда для рабочаго не новость. Бѣда с этого фронта только тѣснѣе смыкает ряды бойцов, только помогает открыть глаза тѣм, кто до сих пор не видит или не хочет видѣть, в чем спасеніе рабочих от капитализма.

Теперь хуже.

Нечего говорить уже о том, что нѣт больше единаго рабочаго интернаціонала.

Сначала ужасная міровая бойня, спутавшая всѣ карты, но не помѣшавшая народиться новым архикоролям капитала в стилѣ Гуго Стиннеса и Вандерлипа, а затѣм, безконечные споры в средѣ руководителей рабочаго движенія, разбили окончательно рабочих одной и той же страны на отдѣльные враждующіе между собой лагери, — на радость собирающаго обильную жатву того Третьяго, который весело смѣется и потирает руки.

Второй Интернаціонал пал, не выдержав испытаній міровой войны.

III-ій создан, конечно, не для здоровых рабочих масс.

Воскресающій II интернаціонал уже для многих непріемлем.

Намѣчаются попытки создать ублюдочныя, компромиссныя формы: в Вѣнѣ образуется центр тяготѣнія для интернаціонала средняго по программѣ между 2-м и 3-м. Его уже и окрестили именем: „два сполoвиной", — ни два, ни полтора...

Нѣт единства в рабочем движеніи.

И все это было бы еще не так тяжело. Жизнь возьмет свое! Желѣзные законы экономики подскажут рабочим правильный выход и они снова об'единятся. Это чувствуют всѣ и это сознаніе выручает отдѣльных бойцов от отчаянія. Но текущій год вскрыл безоговорочно и до боли отчетливо гораздо худшее: трагедію русскаго рабочаго.

Никакая декламація сирен III интернаціонала, никакія их „потемкинскія деревни" болѣе не в силах скрывать всего того ужаса, в каком бьется русскій рабочій. Не было ада ужаснѣе, не было рабства позорнѣе и тяжелѣе, чѣм тѣ условія, в каких тянет лямку своего существованія русскій рабочій в коммунистическом Раю.

И это уже не секрет ни для кого.

Рабочіе всего міра знают это!

Глухих разбудил грохот кронштадтскаго взрыва и возстанія петроградских рабочих.

Доказывать больше нечего. Убѣждать не в чем. Всѣ ясно чувствуют эту непреходящую пытку, ужаснѣйшую всякой тейлоровской системы эксплуатацію труда прежде всего потому, что она ничего никому не дает: производство гибнет, производительность труда падает, продуктов производства — нѣт и догорает послѣдняя электрическая лампочка в той будкѣ, гдѣ сосредоточена координація дѣйствій всего аппарата.

Еще немного, — и этой символической лампочки не станет, наступит кромѣшная тьма, полный развал всей гигантской аракчеевщины.

Рабочіе всего міра знают теперь имена творцов, этого рабочекрестьянскаго рая, предавших и предающих ежеминутно дѣло міровoго пролетаріата.

Рабочіе всего міра знают и то, откуда, из каких партій вышли эти вожди и кто поработал над тѣм, чтобы вожди эти крѣпче завязли в дѣлах рук своих...

И потому странно было бы весельем, радостью, или побѣдным кличем привѣтствовать этот день перваго мая, не умѣстнѣе ли тут было бы гробовое молчаніе?

ЮРІЙ ЛИПЕРОВСКІЙ.

Четвертая весна.

Четыре года прошло с тѣх пор, как Россія, вся овѣянная дыханіем молодой свободы, встрѣчала свою первую весну.

Легко дышалось тогда и вѣрилось, что кончен уже тяжкій путь, что подошли мы к послѣдней грани, что, наконец, скажет Россія міру свое новое слово.

Этого не случилочь. Пришли люди, безконечно нам далекіе и чужіе; хитрыми и льстивыми рѣчами они вкрались в довѣрчивое народное сердце; овладѣли его волей и разумом. Они взяли, что у нас было самого высокаго и святого — идею братства, идею всеобщей любви — захватали своими грязными, пахнущими чужим золотом руками и осквернили их, связав со своим именем.

И теперь, как далеки мы от своих прежних мечтаній и надежд. Далеко от своих и близких, изгнанники на чужбинѣ; а там, на нашей родинѣ, глухо все и не слышно живого человѣческаго голоса; кровь, отчаяніе, горькія, безсильныя слезы...

Но в эти дни тяжких сомнѣній будем помнить мы, что борьба добраго и злого вѣчна в нашем мірѣ.

Двѣ тысячи лѣт тому назад, какими смѣшными и странными казались, вѣроятно, бѣдные и невѣжественные еврейскіе рыбаки, пришедшіе из своей солнцем спаленной страны покорять мір. Их было мало; они были бѣдны и невѣжественны; но у них была вѣра, твердая и неколебимая, была сила внутренней правды. И они побѣдили. Идея их Учителя, их единственное оружіе, покорила мір.

Так было тогда. Так будет и теперь.

И в эти дни тяжких сомнѣній, пусть не угаснет в нас дух живой, не умрет воля к борьбѣ, не истребится вѣра. Есть у нас великая сила, — неистребимая любовь к родинѣ, к несчастной, страдающей родинѣ.

Только она давала нам, слабым и маленьким, силы для борьбы, способность к жертвѣ. Донесем же эту любовь до того времени, когда мы сможем придти туда, на освобожденную родину, сможем сказать нашим матерям, женам, сестрам

Христос Воскрес!

Г. С—Э.

Среди интернированных.

Перелом.

Вдали от всяких политических бурь живут казаки за проволокой — жизнью, похожею на вчерашній день, и на завтрашній и на слѣдующій такой же нудной, сѣрой, мертвой.

Ежедневно, в сумерки, когда от скрывшагося за сосновым лѣсом радостнаго солнца, на воздушных высотах остаются мутно-багровыя полосы, казаки строятся на повѣрку. Трубач играет „зорю" и раздаются стройные аккорды „Отче наш". Куда льются святыя слова? К Нему-ли, дарующему блага и милости, или остаются они здѣсь, на чужой землѣ, праздными, не нужными? Обрывается молитва, раздается команда и казаки медленно расходятся, успокоенные на один миг, к своим нарам. Итак изо дня в день...

Но пріѣхали гости и всколыхнули внѣшне-покойную жизнь. Они бросили в толпу клич: надо учиться! И толпа заволновалась.

— И какое, кажись, дѣло странним Европам до нас, а вот взбаломутили и казаки взгурмошились.

— Они, Европы, — то, всегда наставляли нас на путь, а мы все круть-да-верть и довертѣлись... Азов не знаем, а боремся сруб политическій дѣлать.

— Это правильно! Зачинали дѣлать по хорошему, а получилась какая-то гнилая парш... Да и сами мы запаршивѣли, хочь не много, а надо к уму приходить...

Повидимому, живое слово коснулось сердца, отвлекла грязные помыслы, ведущіе к раздорам, ссорам, как-будто прилетѣл тихій ангел и шепнул о царствѣ великой и свободной мысли, не той, которую постиг мятежный ум в смутные годы, гражданской войны, а мысли яркой, чистой, свободной. И сторона противная, боящаяся просвѣщенія, которой сдвиг с старой закоснѣлости казался непосильным бременем, тоже, как-будто сбросила связующія нуты тьмы и хотя с высока посмотрѣла на „затѣю" американцев, все же поддалась свѣтлому стремленію к знанію.

— Комиссары не умѣют расписываться, а мы и так сойдем," — пробовали протестать нѣкоторые из пожилых казаков.

— Лѣта у тебя к учебѣ, правда, не дозволительныя, но вразумиться не мѣшает... Бабам письма станешь писать, вѣдь у тебя невѣсты в каждом градѣ сидят!..

— У-у-у! как кавунов на бахчѣ!.. Иногда хочется прописать в счет сердца, — рука не ходит по бумагѣ...

Эти откровенныя признанія в безпомощности склоняют на новую дорогу и приходится пожалѣть, что толчек пришел немного поздно.

Д. ВОРОТЫНСКІЙ.

Остров Ломжинскій.

ПОСЛѢДНІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Налеты повстанцев на Голту и Фастов.

В ночь на 13 апрѣля повстанческіе отряды Заболотнаго и Яценко напали на Голту и послѣ упорнаго боя на окраинах, захватили город и в нем начальника 13 сов. дивизіи Вильфора, весь состав городской милиціи и 60 человѣк коммунистов по имѣвшемуся у повстанцев списку. Всѣ арестованные были разстрѣляны.

К утру на выручку большевикам подошли части 43 совѣтской дивизіи и повстанцы отступили к Балтѣ.

Отряд повстанцев под предводительством Богатыренко напал 16 апрѣля на станцію Мотовиловку, гдѣ разоружил 230 красноармейцев и из них 17 коммунистов разстрѣлял, а остальных распустил по домам.

Тот же отряд, узнав о разстрѣлѣ в Фастовѣ 2-х больных тифом повстанцев, совершил налет на Фастов, гдѣ арестовал 13 видных мѣстных коммунистов и их повѣсил в отместку за разстрѣл 2-х повстанцев.

(„Рідн. Кр.")

Оккупація Сахалина.

„Извѣстія" сообщают, что 5 апрѣля в Москвѣ получено обращеніе генерала Козима слѣдующаго содержанія: „На основаніи декларацін, опубликованной лѣтом прошлаго года, в которой японское имперское правительство заявило, что японскія войска будут занимать важные пункты Сахалинской области до тѣх пор, пока не будет в Россіи образовано законное правительство, пока удовлетворительно не будет разрѣшен вопрос о варварском избіеніи японцев в Николаевскѣ на Амурѣ — на днях японская экспедиціонная армія Сахалинской области расположит свои войска в городѣ Николаевскѣ, Декастри, Софійскѣ и др. пунктах, и введет в тѣх мѣстностях гражданское управленіе для водворенія в них спокойствія и порядка. Предлагаю всему русскому населенію подчиниться назначенной нами власти".

Почтовая западня.

„Сегодня" сообщает, что с открытіем почтоваго сообщенія между совѣтской Россіей и окраинными государствами, в совѣтской Россіи значительно увеличилось количество арестов. Согласно недавно изданнаго совѣтским правительством декрета, всѣ „подозрительныя" письма, слѣдующія из заграницы и особенно письма эмигрантов, подлежат контролю совѣтских властей и выдаются на руки адресатам, только по прочтеніи их спеціальным розыскным вѣдомством. Поэтому, сплошь и рядом бывают случаи, что вмѣсто почтальонов на квартиру адресатов являются агенты че ка и арестовывают лиц, поддерживающих родственныя связи с эмигрантами.

В одном из полученных в Ригѣ писем опредѣленно говорится: „ради всего святого, не подводите нас под тюрьму и перестаньте писать".

Снова Фіуме.

РИМ, 27.IV. — Директорія с Цанелла во главѣ, которая стоит за автономію Фіуме и которую упрекают в том что она одержала побѣду на выборах только голосами хорватов и коммунистов, подала в отставку. Воспользовавшись этим, фашисты из Тріеста толпой явились в Фіуме, заняли всѣ казенныя зданія и об'явили себя временным правительством, причем их предводитель Джиганте заявил начальнику мѣстнаго гарнизона, что всю отвѣтственность он берет на себя, а выборы кассирует. Новое правительство издало прокламацію к населенію, в которой угрожало смертной казнью за измѣну и за неповиновеніе, и устроило манифестацію в честь д'Аннунціо. — Однакоже, новое нац. правительство просуществовало недолго. По первому требованіи итальянскаго правительства фашисты вернулись в Тріест, сдав власть чрезвычайному комиссару Италіи. В город вступил альпійскій полк стрѣлков, для охраны порядка. Граница заперта. На выборах, при столкновеніях между автономистами и сторонниками присоединенія к Италіи, двое были убиты и многіе ранены.

Англійское сообщеніе о Палестинѣ.

В связи с пребываніем Черчиля в Палестинѣ, арабы обратились к нему с меморандумом, в котором просили, чтобы Англія отказалась от деклараціи Бальфура, по которой Англія обязалась содѣйствовать созданію „national home" для евреев.

Черчиль отвѣтил, что Англія остается при своем прежнем отношеніи к еврейскому вопросу и примет всѣ зависящія от нея мѣры, чтобы декларація была проведена в жизнь.

В связи с этим инцидентом, Англійское правительство опубликовало слѣдующее оффиціальное сообщеніе:

Возсозданіе „національнаго дома" для разсѣяннаго еврейства является мѣропріятіем, которое союзники в результатѣ побѣдоносной войны рѣшили провести в жизнь. Евреи должны имѣть свой центр в той странѣ, с которой они связаны тысячелѣтними узами. Не арабы изгнали из Палестины турок. Это было достигнуто, благодаря неисчислимым жертвам, понесенным англійской арміей. Созданіе національнаго дома для евреев в Палестинѣ не означает, что послѣдняя перестает быть родиной и для арабов. Но евреи своей работой, энергіей и энтузіазмом доказали, что они в силах осушить болота и превратить пустыню в цвѣтущія мѣстности. Приток еврейских капиталов в страну обѣщает создать всеобщее благополучіе и экономическое благосостояніе всѣх народов, населяющих Палестину.

Заявленіе кн. Сапѣги.

В бесѣдѣ с представителем „Мессажеро" министр иностранных дѣл кн. Сапѣга заявил, что будущность и дѣйствительная независимость Польши зависят тѣсным образом от разрѣшенія вопроса о Верхней Силезіи. Если весь угольный район не будет присоединен к Польшѣ, тогда всѣ государства средней и восточной Европы попали бы в зависимость от Германіи, что явилось бы возрожденіем пангерманизма.

Варшава.

Политическія дѣла.

— Министерство внутренних дѣл сообщает, что со 2 мая прекращается дѣйствіе исключительнаго положенія в тѣх мѣстностях гдѣ оно было об'явлено. (ПАТ).

— В Варшаву пріѣхал чрезвычайный посол и полномочный министр эстонской республики г. Хеллят.

— Прибывшая в Варшаву Верхне-Силезская делегація была принята премьером Витосом и вручила ему меморіал, в котором доказывает, что населеніе, терроризованое нѣмцами и голосовавшее за Германію, в настоящее время просит о присоединеніи областей, в которых оно проживает, — к Польшѣ.

— В сеймовой финансовой комиссіи принят законопроект с временном взиманіи подоходнаго налога.

— Сеймовая военная комиссія обсуждала дѣятельность военной контр-развѣдки. С обвиненіями выступил деп. гр. Скарбек (Нар. нац. Союз). Отвѣчал ему представитель военнаго министерства подполк. Медзинскій. Избрана подкомиссія в составѣ 7 депутатов для выясненія возбужденных вопросов.

Городская жизнь.

— В среду, 4 мая пріѣзжает в Варшаву делегація парижскаго муниципальнаго совѣта с предсѣдателем его г. де Корбейе во главѣ. Это посѣщеніе является отвѣтом на поѣздку в Париж делегаціи Варшавскаго гор. совѣта, которая состоялась нѣсколько мѣсяцев тому назад. Парижскіе гости останутся в Варшавѣ 3 дня и примут участіе в наполеоновских торжествах.

— Гор. отдѣл снабженія намѣревался выдавать в маѣ продукты по апрѣльским карточкам. В виду, однако, появленія уже в настоящее время многочисленных поддѣльных карточек, было рѣшено выпустить новыя.. Управляющіе домами пересмотрѣли свое рѣшеніе и согласились раздать новыя карточки безплатно.

Разныя.

— В дополненіе к напечатанному у нас сообщенію относительно предпринимаемой Россійской Миссіей Краснаго Креста в Польшѣ анкеты о лицах интеллигентных профессій, приводим образец листка с графами нужных для анкеты свѣдѣній:

1. Имя и фамилія, 2. Возраст, 3. С какого времени Вы в Польшѣ, 4. Семейное положеніе и гдѣ Ваша семья. 5. Занятіе в настоящее время, 6. Заработок, 7. Ваша профессія в нормальное время, 8. Образованіе общее (среднее, высшее, 9. Образованіе спеціальное (художественное, техническое, 10. Знаніе языков, 11. Научные и литературные труды (книги и брошюры, повременныя изданія неизданныя произведенія), 12. Произведенія искусства и выставки, на которых Вы выставляли, 13. Художественный труд и мастерскія, гдѣ Вы работали, 15, Сцена, на которой Вы играли, 15. Общество членом которых Вы состояли, 16. Техническія и культурныя предпріятія, 17. Прежній заработок в нормальное время, 18. Ваши пожеланія в смыслѣ использованія Ваших способностей, 19. Адрес.

Свѣдѣнія, составленныя по приведенной схемѣ, по возможности полно и подробно, просят направлять в миссію Краснаго Креста, Подваль 5 или по почтѣ или лично в часы занятій. Успѣх анкеты в значительной степени зависит от скорости полученія свѣдѣній. Конечным сроком обработки поступающих свѣдѣній намѣчено 17 мая.

— 7 мая состоится в Варшавѣ с'ѣзд делегатов обывательских комитетов Защиты Государства, для рѣшенія вопроса о ликвидаціи всей этой организаціи.

В четверг 5 мая в залѣ промышленности и земледѣлія хором церкви св. Троицы под управленіем К. А. Мисевича будет дан концерт. Первое отдѣленіе концерта будет посвящено духовной композиціи Чайковскаго, Аренскаго, Львова, Архангельскаго, Соколова и др.

— Во вчерашнем тиражѣ „милліонувки" выигрыш пал на номер 1.69

Пасхальная Заутреня.

Побѣда полная... и сорок сороков
Торжественно гудит, ликуя и сверкая...
И Праздник Праздникам... и в морѣ огоньков
Ты, мое солнышко, Ты свѣтлая такая...

А там, на паперти и, тоже со свѣчой,
Старушка молится усердными крестами
И, окруженная ликующей толпой,
И ждет, и вѣрует, и теплится слезами...

Гдѣ больше радости?... В борьбѣ-ль колоколов,
В набѣгѣ-ль праздничном волны многошумящей,
В Тебѣ-ль, красавица, жемчужина богов,
Иль в богомолкѣ той, на паперти стоящей?

Побѣда полная... всесильная весна
Недаром в каземат приносит вдохновенье...
Все забывается, когда шумит волна —
Волна побѣдная любви и возрожденья...

К. ОЛЕНИН.

Весеннее.

Я сегодня видѣл журавлей...
Пронеслись они под облаками
В даль, туда, гдѣ ширь родных [полей
Поросла зловѣщими буграми...

Эй, вы, птицы вольныя, гонцы
И предтечи пробужденной жизни!
Возвѣстите там во всѣ концы,
[illegible] уж скоро быть Великой Три- [знѣ...

СТАН. М—ИЧ.

Doloroso...

Чѣм веселѣй бѣгут ручьи,
Чѣм жарче солнечныя пляски,
Тѣм я печальнѣй и ничьи
Меня не успокоят ласки.
Была весна, была и ночь,
Пѣл соловей в тиши отрадной,
О, я не в силах превозмочь,
Тоски безумной, безпощадной!

АРС. ШАГАРОВ.

Поэт.

Он в комнатѣ своей, закрывшись от людей, им сочинял любовныя сонаты: он говорил: Кто нищ—ко мнѣ скорѣй, всѣх надѣлю, всѣ будете богаты.

Был дождь и сумерки, когда они пришли: калѣки, нищіе всю площадь запрудили; больные в язвах трупы принесли и стали у дверей и у дверей завыли.

Искали, гнойными глазами, от труда, обѣщанной подачки и привѣта.

А он—поэт, не знал теперь куда ему бѣжать от страшнаго отвѣта.

ЛЕВ ГОМОЛИЦКІЙ.

Дитя.

Набѣгавшись в своей просторной дѣтской, забавной книги выслушав главу, он спит теперь с наивной миной дѣтской, спит, грезящій во снѣ и наяву.

Еще,—когда они с сестрой молились и свѣжая постель усталостью звала, из темноты гостиной доносились рояля тихія вечернія слова.

Теперь он спит безгрезно, безмятежно, ничто его сердечка не смутит, а около красиво и мятежно жизнь безконечная, безудержно кипит.

ЛЕВ ГОМОЛИЦКІЙ.

Миражи пустыни.

...Когда больной была земля и небо стало сѣрым и лѣса почернѣли от дождей — мертвец явился на своем конѣ в один осенній день снова увидѣть то, что он любил...

Старинная бретонская баллада.

...Так неожиданно ярко в отворенное окно ворвались с улицы звуки заигравшей гдѣ то поблизости шарманки. При едва проникающем сквозь тяжелыя занавѣси свѣтѣ осенняго утра в кабинетѣ— огромном и мрачном была обычная тишина. И вдруг этот вальс—веселый, солнечный, зовущій бросить все, забыть обо всем, кромѣ любви и радости жизни!..

Магланович досадливо сдвинул брови. Когда он работал—он любил, чтобы кругом было тихо и ничто не разсѣивало вниманія. Он готовился к завтрашнему выступленію в Палатѣ Депутатов. Выборы через нѣсколько дней. По всей вѣроятности из премьер-министра он станет президентом республики Сан Ансельмо. Послѣ долгих, безмѣрно тяжких лѣт труда, настойчивости, упорства, удач и разочарованій, наконец достигнута будет цѣль... А дальше?... Дальше уже нечего будет ждать, не к чему стремиться. Наступит покой, самоудовлетвореніе. А дальше?... Дальше—единственная послѣдняя цѣль, которую рано или поздно достигает в жизни каждый человѣк, кто бы он ни был!...

Сидѣвшая за сосѣдним столом жена Маглановича— его неизмѣнная помощница и личный секретарь во всѣ эти годы политической борьбы, внезапно засмѣялась.

Магланович посмотрѣл на нее с изумленіем. Его поразил ея смѣх, такой молодой и непривычный. Он не помнил уже, когда смѣялась эта всегда покорно склоненная над его бумагами женщина, любимая прежде, послѣ ставшая безразличной в силу привычки совмѣстно прожитых, рука об руку пережитых дней, недѣль и мѣсяцев, в сѣрой цѣпи уходящих в прошлое лѣт, однообразными звеньями повторяющих друг друга.

— Что с тобой?—спросил он.

— Так... Смѣшная мысль пришла в голову... Вдруг захотѣлось танцовать!... Хочешь, пока там шарманка играет, со мной тур вальса?...

Магланович взял отложенное в сторону перо.

— Мы оба с тобой немножко устарѣли для танцев!— сказал он. — Ты не думаешь?..

Она ничего не отвѣтила. Шарманка перестала играть. Опять стало тихо. Вмѣстѣ с оборвавшимся вальсом за окном исчезли зовущіе за собой звуки жизни. Магланович украдкой внимательно начал разсматривать жену: Она усердно писала, не поднимая головы. Ему был видѣн лишь ея профиль тонкій и нѣжный, и всегда печальныя, все еще красивыя линіи губ. Но возлѣ них уже собирались глубокія складки, первыя признаки скоро замѣнящих их морщин.

— Осенняя женщина!—подумал Магланович.—Как все же она увяла за послѣднія нѣсколько лѣт....

И ему захотѣлось сказать ей что нибудь ласковое, привѣтливое, подойти к ней, погладить с нѣжностью по этим когда то золотым, теперь переходящим замѣтно в серебряные, особенно на висках волосам, заставить забыть только что произнесенныя ненужно оскорбительныя слова.

Но вмѣсто того он поднялся и, уходя, сказал обычным тоном полуначальственнаго приказанія:

— Не забудь, пожалуйста, переписать таблицу движенія авансовых сумм по Военному Министерству... Я особенно разсчитываю на эффект итога...

— Я эту таблицу как раз сейчас и переписываю!—не поднимая головы отвѣтила жена.

Магланович вышел.

Послѣднее, что ему оставалось сдѣлать для обезпеченія своих выборов, было особенно непріятным. Он не пошел бы на это об'ясненіе, еслибы не потребовали его политическіе друзья. Нужно было уговорить шефа консервативной партіи, в то же время одного из самых крупных владѣльцев фабрик и всяких промышленных предпріятій в странѣ, чтобы зависящіе от него рабочіе не голосовали за противника Маглановича. Но Магланович был заранѣе увѣрен в отказѣ. Барон Альфіери — столп католичества — богач и аристократ, хотя и недавно лишь появившійся в Сан Ансельмо откуда то, кажется, из Бразиліи — явно не станет поддерживать кандидатуру человѣка, который уже успѣл забыть, когда он в послѣдній раз был в церкви!...

У Альфіери пришлось дожидаться довольно долго. Самого барона не было дома и за ним срочно послали автомобиль на засѣданіе, одного из безчисленных акціонерных обществ, которых он был неизмѣнный предсѣдатель. Магланович терпѣливо расхаживал взад и вперед по гостинной, роскошной но странно безвкусной, похожей на огромный магазин дорогой мебели, на которой невольно хотѣлось отыскать этикетку с обозначеніем — сколько каждая вещь стоит?

Внезапно отворилась дверь и вошел явно выпившій, маленькій старичок, в весьма грязноватом халатѣ, небритый, с красным носом и слезящимися глазками. Его Магланович раньше никогда не видѣл во время пріемов у Альфіери. Но очевидно было, что старичок этот здѣсь свой и чувствует себя, как дома.

Магланович вопросительно поклонился. Тот отвѣтил на поклон с нѣкоторой наглостью, как человѣк, собирающійся сдѣлать скандал.

— Я к барону — сказал Магланович.

Старичок неожиданно захихикал, прикрывая рот рукавом халата.

— К барону?— переспросил он. К какому барону?...

Магланович посмотрѣл на него с изумленіем.

— К барону Альфіери... Моя фамилія Магланович.

Старичок захихикал еще с большей веселостью.

— Как же... как же-с!... Слыхали... Господин премьер и наш будущій президент!... Господи Боже мой!... С какими высокими особами приходится встрѣчаться... Один маркиз, другой граф, третій президент, у самого сын барон... Просто голова пухнет!... А она у меня слабая...

— Как?... Вы изволите быть...—начал было Магланович, пораженный его неожиданными словами — но старичок перебил его:

— Да-с... именно... Вас это удивляет?... Барон Альфіери!... Помилуйте!... Такой замѣчательный аристократ — по прямой линіи от самого Чорта-Дьявола, или еще не знаю от кого!... А между тѣм — я его отец... Да-с... именно я... Позвольте представиться... А он, собачій сын, держит своего родного отца в задних комнатах, как в тюрьмѣ и даже на улицу не пускает, чтобы [illegible] узнали... А кто ему состояніе составил?... Я... один только я!... Не моя вина, что я торговал в Бразиліи птичьим удобреніем... Деньги запаха не имѣют... Так то... А господин вновь испеченный барон теперь нос в сторону воротит!... Стыдно ему отца!...

— Мой дорогой Магланович!... Я безконечно извиняюсь... — послышался в дверях голос барона Альфіери... И сразу наступило молчаніе. Старик виновато с'ежился и стал как будто еще меньше ростом. Магланович увидѣл, как мертвенно поблѣднѣло всегда спокойно-надменное лицо барона. Но через мгновеніе он овладѣл собой. Обычным тоном, точно ничего не произошло, он сказал что то старику по португальски. Тот немедленно же исчез.

— Итак? — послѣ нѣскольких секунд паузы обратился Альфіери к Маглановичу. — Ваши условія?

— Мои условія: всѣ ваши рабочіе голосуют за меня!...

Альфіери вѣжливо, в знак согласія наклонил голову.

— Ваши условія приняты... Вы сами понимаете—для меня теперь другого выбора нѣт!...

Магланович вышел от него с невольным чувством жалости, к человѣку, у котораго весь карточный домик его жизни разлетѣлся от внезапнаго прикосновенія чужой руки.

— Но эту тайну его никто не узнает!—подумал он.—Я купил ее слишком дорогой цѣной... Но Боже мой!... Какая тоска!... Я достигаю своей цѣли не потому что я лучше, умнѣе, способнѣе и трудолюбивѣе других — а потому лишь, что случайность позволяет мнѣ воспользоваться слабостью моего врага. Я президент республики не волею народной, как будут думать сторонники всеобщаго равнаго, прямого и т. д.—а из за пяти-минутной болтовни пьянаго старика... К чему же тогда всѣ эти годы труда, усилій, искренних жертв во имя блага родины, во имя народа?.. Как просто все .. Слишком просто!..

И снова столь часто охватывавшее его отвращеніе к дѣлу, которым он занимался всю жизнь, охватило его с неудержимой силой. Стоя на порогѣ высшей власти, Магланович ясно видѣл, что там, за этим порогом, который он теперь уже неизбѣжно перешагнет, та же пустота, тот же мертвый песок пустыни, которые он находил всякій раз как только разсѣивался украшающій их мираж. И снова жизнь, уже больше чѣм на половину прожитая, показалась ему безцѣльной и ненужной...

...Вернувшись домой он принял рѣшеніе. Если бы друзья и члены его партіи узнали о том, что рѣшил их вождь—они немедленно же созвали бы консиліум самых знаменитых европейских психіатров, ибо явно и очевидно было, что утомленный политической работой будущій президент совершенно опредѣленно сошел с ума.

А Магланович, написав и отослав по условному адресу эти нѣсколько слов: „приходите в четверг в десять вечера в грот Любви Маркиза Антонелли. Я бросаю все, рву со всѣм и уѣзжаю с Вами, куда Вы захотите..."—Почувствовал, что за всю свою жизнь он не совершил болѣе обдуманнаго поступка. И отвѣта на свое письмо он стал ждать с гораздо большим нетерпѣніем, чем результатов голосованія по выборам его в президенты, которые тоже должны были стать извѣстными в тот же день.

Отвѣт он получил в четверг утром. В письмѣ было одно только слово — „приду".

...К вечеру уже начали поступать извѣстія о результатах выборов в провинціи. В окнах и на балконах редакцій газет были выставлены огненные транспаранты с цифрами голосов борющихся между собой кандидатов. Повсюду Магланович шел первым. Особенно непонятно было, что даже в столь явно консервативных округах, каковыми считались округа, гдѣ почти неограниченно властвовал барон Альфіери — все таки Магланович получил превышающее число голосов. Выбор его в президенты был обезпечен. Оставались неизвѣстными лишь результаты нѣскольких отдѣльных городов, которые уже не смогли даже в случаѣ отрицательнаго голосованія повліять на общій ход событій...

— Идея демократіи пробила даже китайскую стѣну, вліянія барона Альфіери!—говорили Маглановичу его политическіе друзья—Это все послѣ вашей рѣчи в Палатѣ Депутатов, когда вы так ярко, с такой поразительной силой развили перед страной вашу будущую демократическую программу!..

Магланович разсѣянно слушал комплименты, принимал поздравленія, жал безчисленныя дружественныя руки—но мысли его были далеко. Он думал о том, когда он вырвется наконец из этого круга сгибающихся спин и наклоненных голов. Он уйдет тогда к той, которая ждет его в гротѣ Любви маркиза Антонелли... Перед ней, покорно и робко склонит он свою голову, ибо вся жизнь его, все счастье, всѣ надежды и ожиданія в ея руках...

Когда он под предлогом необходимости остаться одному для обдумыванія своей первой рѣчи уже в качествѣ президента, выпроводил наконец упорно осаждающих его любезностями друзей и собирался уйти сам—в кабинет неожиданно вошла жена.

— Ты уходишь?—спросила она —А я бы хотѣла попросить тебя провести этот вечер со мной.. Подумай только: послѣдній вѣдь вечер, когда мы сможем остаться одни!.. С завтрашняго дня — новая жизнь... Я больше уже навѣрное не буду тебя видѣть, иначе как оффиціально!..

— Ну, зачѣм же так!.. уклончиво возразил Магланович — ты преувеличиваешь...!Но мнѣ нужно сейчас итти... Очень важное и спѣшное дѣло...

— А если я тебя тоже очень и очень попрошу не уходить?..

В голосѣ жены Магланович уловил что то необычно настойчивое, похожее скорѣе на предостерегающее приказаніе, чѣм на просьбу.

— Неужели она подозрѣвает? —Как скучно!.. Но все равно...

Он медленно взял шляпу и перчатки.

— Весьма сожалѣю... Но.. не могу!..

Он вышел, намѣренно постаравшись не встрѣтиться с ней взглядом.

— Ты пожалѣешь быть может об этом гораздо больше, чѣм думаешь сейчас!—сказала ему вслѣд жена.

...Грот Любви Маркиза Антонелли получил свое названіе по имени бывшаго владѣльца этого сада и дворца, гдѣ теперь помѣщался Совѣт Министров.

Маркиз Антонелли—женившійся 75 лѣт от роду в седьмой раз и измѣнившій женѣ через три мѣсяца послѣ свадьбы с внучкой герцогини Маристани—его первой любви, как увѣряла скандальная свѣтская хроника того времени—жил в концѣ 18-го вѣка и любовными похожденіями своими превозошел самого дон Жуана. Говорили, что в этом гротѣ на берегу озера он назначал обычно свиданія. Говорили также, что тѣнь столь много любившаго в жизни маркиза появляется в гротѣ, ибо поцѣлуи влюбленных мѣшают старому грѣшнику спокойно лежать в своей могилѣ...

...У Маглановича с этим гротом тоже было связано воспоминаніе. Нѣсколько мѣсяцев тому назад на одном из маскарадных балов в Министерствѣ с ним заговорила какая то маска, узнать которую он не мог. Сперва Магланович принял ее за обычную искательницу протекцій для мужа, брата, или любовника. Он так уже привык к женскому вниманію, вызываемому не им, а тѣм положеньем и властью, которыми он обладает... Но на этот раз незнакомка ни о чем его не просила. Ея разговор, то лукаво насмѣшливый, блещущій искрами изящнаго остроумія—то вдумчивый и глубокій поразил Маглановича, прежде всего знаніем его самого, его характера, достоинств и недостатков. Ему показалось, что эта незнакомая ему женщина читает в его душѣ, как в открытой книгѣ. Он просил ее снять маску. Она отказалась.

— Если нѣт тайны—нѣт и поэзіи в отношеніях!—сказала она. —К чему вам знать кто я? Красавица, или урод? Важно лишь то, какой я вам кажусь, а не какая я есть на самом дѣлѣ!.. Кто стремится непремѣнно узнать: Как? что? зачѣм? и почему? — тот стирает с крыльев бабочки их волшебныя краски.. А потом сам же первый разочарован — когда видит перед собой сѣрое, тусклое созданье. Не будем разрушать иллюзій!..

Послѣ долгой бесѣды в гротѣ Любви Маркизи Антонелли — незнакомка также внезапно простилась с Маглановичем, как и подошла к нему.

— Мы не увидимся больше с вами—сказала она—я замужем... За мной слѣдят... Но я буду вам писать... Такія встрѣчи, как наша с вами — не проходят безслѣдно!..

И с тѣх пор между ними началась постоянная переписка. Ея письма были нѣжныя и ласковыя, с неуловимым оттѣнком грусти. Она жалѣла и понимала Маглановича, у котораго его политическая работа отнимала все личное в жизни. Старалась дать ему хотя издали, тайно, немного радости и тепла... Магланович, думая постоянно о ней, представляя в своем воображеньи ея глаза — таинственные, странные, какими их видѣл в разрѣзѣ маски в ту ночь при лунном сіяньи в гротѣ Любви стараго Маркиза—тосковал о ней, но не искал ни узнать—кто она? ни увидѣться с ней,—исполняя данное обѣщанье... Но теперь он понял, что дальше так продолжаться не может!.. Один только раз живет человѣк на землѣ—и что стоит его жизнь, если он одинок и ничьи любящія руки не обовьются вокруг него ни в краткій миг радости, ни в долгіе часы горя и разочарованій!..

...Ожиданіе в гротѣ затянулось Она не шла. Магланович прис

шивался в вечернему шороху, среди тишины, желая различить еще издали ея приближающіеся шаги. Но только шум народа и крики толпы отдаленно доносились до него. Он знал, что это начались уличныя манифестаціи по случаю его избранія. Но ему было все равно. Президент Республики Сан Ансельмо сегодня—он готов был завтра стать чистильщиком сапог гдѣ угодно, если только она захочет...

...Внезапная тѣнь появилась неслышно у входа. Магланович вскочил. Перед ним стоял высокій старик, блѣдный при лунном свѣтѣ, в пудреном парикѣ с буклями в камзолѣ и в сапогах с раструбами. Он был весь прозрачный, так что темное озеро у грота виднѣлось сквозь него, точно сквозь стеклянную фигуру. Лицо его с орлиным носом и твердо сжатыми губами было знакомо Маглановичу. Он как будто видѣл его раньше на одном из старинных портретов, висѣвших в галлереѣ Совѣта Министров.

— Кто это? — с невольным испугом воскликнул Магланович.

— Я маркиз Антонелли! — глухим голосом сказал призрак—Біеніе твоего мятущагося сердца разбудило меня в моей могилѣ...

Я обречен итти всегда на зов Любви, ибо и в этой жизни я не знаю покоя, как не знал его в той, в которой ты живешь сейчас... Есть счастливцы, которые любят не любя... Есть несчастные, которые в каждой любви оставляют кусок своего сердца... Таким был я... Таков ты... Я узнал тебя—ты будешь несчастен... Я слышу шаги женщины, идущей сюда... Бѣги... бѣги!.. Если ты встрѣтишься с ней—будет слишком поздно!..

— Я остаюсь!—сказал Магланович. Даже цѣною несчастья всей моей жизни я должен ее увидѣть.

Призрак грустно кивнул головой.

— Ты отвѣчаешь также, как на твоем мѣстѣ отвѣтил бы я... Судьба неизбѣжна... Мой долг исполнен... Я предупредил тебя—и я исчезаю!..

И также внезапно, как появилась, исчезла, слившись с ночной темнотой, тѣнь стараго маркиза...

В тот же момент Магланович услышал поспѣшно приближающіеся, легкіе шаги. Еще не оправившись от волненія, вызваннаго появленіем маркиза Антонелли, он крѣпко прижал руку к бьющемуся сердцу. Он не знал — от того ли бьется оно так сильно, что он знает уже об ожидающем его несчастьи — или от того, что шаги эти все ближе и ближе и сейчас он увидит ее?..

Шаги остановились у входа. Магланович вышел. Перед ним стояла его жена.

— Зачѣм ты здѣсь?—послѣ недолгаго молчанія спросил Магланович, холодно и равнодушно — ты шпіонишь за мной? Это недостойно ни тебя, ни меня...

Она, как всегда, покорно опустила голову.

— Ты звал меня... Я пришла!..

И протянула ему письмо, послѣднее, которое он написал той незнакомкѣ.

Магланович долго молча, смотрѣл на знакомый конверт, адрес котораго был написан его рукой. В головѣ его не было мыслей, — точно кто то сжал сердце томительно и безпощадно.

— Старик был прав! — очнувшись наконец сквозь зубы пробормотал он.—И затѣм повернулся к женѣ, все еще стоявшей перед ним также покорно, опустив голову.

— Зачѣм ты это сдѣлала?... Скажи!..

Она безпомощно пожала плечами.

— Сама не знаю... Сперва я просто хотѣла тебя заинтриговать... А послѣ посмѣяться над тобой... Но ты мнѣ показался вдруг таким новым, непохожим, на того, каким я привыкла видѣть тебя каждый день, что мнѣ тоже стало казаться...

Она замолчала.

— Что же именно стало тебѣ казаться?..

— Что ты со мной тот, каким был когда то!.. Помнишь? Давно давно, когда еще была наша любовь и вся жизнь еще была перед нами... А потом... Но я ни в чем не хочу ни упрекать тебя, ни ставить тебѣ чего нибудь в вину... „Прошедшим цням нѣт поздняго возврата!..“ Но жить без иллюзій тоже нельзя... И вот она была у меня—эта иллюзія!.. Когда я получала от тебя письма—когда садилась тебѣ писать—все прежнее, забытое вставало снова передо мной... Я была счастлива... Но, получив твои послѣднія нѣсколько строк—я увидѣла, что все это зашло слишком далеко... Я испугалась за тебя... И вот...

Магланович медленно повернулся.

— Прости меня!.. Я сдѣлала тебѣ больно... Я не хотѣла!..—услышал он позади себя испуганный, любящій голос.

Но он ушел, ничего не отвѣтив.

— Господин Президент!—окликнул его при выходѣ из сада один из его ближайших помощников в избирательной кампаніи, растерянный и запыхавшійся. — Наконец то я вас нашел... Вас всюду ищут... Толпа собралась перед дворцом... Требуют, что бы вы вышли на балкон...

— Хорошо... Я выйду...—сказал Магланович.

— Да... Непремѣнно... И рѣчь нужно... Хотя бы маленькую... Там факельное шествіе в вашу честь... Пускают ракеты... Толпа волнуется... Совершенно необходимо...

Магланович усмѣхнулся, чуть замѣтно.

— И рѣчь могу тоже... Словом —дѣлайте со мной, что хотите...

А. ДИКГОФ-ДЕРЕНТАЛЬ.

В ресторанѣ.

(За границей).

1. К этуали.

Этуаль привозная, варшавская,
Не гляди, ласкающе—дразня:
Вѣдь, теперь сама царица Савская
Красотой не тронула б меня.

Вижу я—подчеркнута старательна
Бѣлизна недѣвичьей груди;
Вижу, вижу — ты очаровательна,
Ты мила, но все же—не гляди!

Вѣдь, торгуя тѣлом зацѣлованным,
Душу ты, навѣрно, сберегла,
И понять сумѣешь с полуслова,
Чѣм моя душа занемогла:

В этой залѣ пьяной и накуренной,
Гдѣ царит вино и этуаль,
Я--один, задумчивый, нахмуренный,
Затаил великую печаль.

В облаках, нависших от куренія,
В звуках рюмок, вилок и ножей,
Вижу я безлюдныя селенія,
Слышу стоны родины моей.

И глаза твои, дразнящіе ласкающе,
Не замѣнят сомкнутых очей
Той, Одной Любимой, умирающей
От руки наемных палачей.

2. Толстому брату.

Кто я был—Вам это безразлично,
Чѣм я есть--тѣм больше наплевать,
Лишь одно нас связывает лично—
Наша общая потерянная мать.

Ты бѣжал, спасая капиталы,
Я спасал от смерти дух живой,—
И теперь, разбитый и усталый,
На чужой валяюсь мостовой...

Ты же, толстое откормленное пузо
Оградил от горя и забот
Тѣм, что вновь, без лишняго конфуза,
Стал сосать чужой тебѣ народ.

Ничему тебя не научили,
Эти годы, годы, как вѣка,
И, быть может, больше разлучили
Богача и брата—бѣдняка!

В. ПОСПѢЛОВ.

Ревность.

Наступило лѣто и в городѣ было скучно. Но мнѣ никуда не хотѣлось уѣзжать. Курсы я окончила, отец с семьею уѣхал в другой город, куда его перевели на службу. Я становилась бездомной И когда моя подруга Катя, моя однолѣтка, но уже бывшая четыре года замужем, предложила мнѣ переѣхать к ней на квартиру, я обрадовалась чрезвычайно. На слѣдующій день я уже заняла комнату в ея большой квартирѣ.

Как забавно было видѣть Катю в двадцать лѣт с трехлѣтним сыном!

Из всѣх моих подруг она была самая лучшая. Веселая хохотунья, никогда не знавшая скуки, довѣрчивая и чистая, считавшая всѣх людей прекрасными.

Ея муж, Вадим Сергѣевич, был для нея божеством. Легко и радостно вышла она замуж и радостной и сіяющей была она во всѣ годы замужества. Никто для нея не мог быть прекраснѣе Вадима Сергѣевича.

Маленькій Миша болѣл весною корью. Доктора нашли, что послѣ кори у него сдѣлался колит. Его нужно было увезти из города на берег моря. Катя должна была уѣхать с сыном, Вадим Сергѣевич оставался, он не мог бросить своих дѣл.

Ѣхать с Катей я не могла, так как для этого не было у меня достаточно средств.

Возможность жить в одной квартирѣ с чужим мужем меня волновала и пугала. Но Катя настаивала, чтобы я никуда не уходила.

Она боялась, что если Водя останется один, кухарка будет портить обѣд, в комнатах заведется сор, ему придется возиться с тысячью мелочей, которыя его всегда так раздражают.

О, Катя не была ревнива! Эта женщина с темным прекрасным золотом каштановых волос, с глазами, отразившими их цвѣт, и с дѣтской мягкостью лица—не была ревнива.

Думала ли она обидѣть меня пренебреженіем ко мнѣ?

О, нѣт! Она искренно удивилась бы, еслибы ей сказали, что молодая дѣвушка и женатый мужчина, могут почувствовать взаимное любовное влеченіе.

Катя уѣхала.

Вадима Сергѣевича я встрѣчала только за утренним чаем и за обѣдом; но он не всегда приходил обѣдать. По вечерам я его не видала. Он или уходил из дому или запирался в своем кабинетѣ. Часто из своей комнаты я слыхала его шаги до поздней ночи. Я знала, что его кабинет был рядом со спальней, и я слушала, как шаги становились громче, когда он проходил в другую сторону—в сторону спальни.

Я лежала в постели без сна, пока не стихало в домѣ все.

И даже тогда, когда Вадим Сергѣевич не ходил по комнатѣ, я не засыпала до тѣх пор, пока не слыхала звука выключателя в в кабинетѣ.

Он уходил в спальню, и я засыпала.

Я стала входить во всѣ подробности домашняго хозяйства, чего не дѣлала никогда в домѣ родителей. Я хлопотала и суетилась как Катя и готова была растеряться как она, еслибы Вадим Сергѣевич выразил чѣм нибудь недовольство.

Он никогда не дѣлал никаких замѣчаній, но лицо его хмурилось и как Катя этого боялась!

Я замѣтила, что я очень рѣдко выхожу из дому. Случались дни, что я совсѣм не выходила. Прежде я очень любила театры, но теперь я бывала не чаще одного раза в недѣлю, а то и еще рѣже.

Уже почти мѣсяц прошел, как Катя уѣхала. Я вполнѣ оправдывала ея ожиданія.

По утрам я приходила в столовую возможно раньше, чтобы успѣть приготовить кофе; положиться на прислугу я не рѣшалась.

Один раз я вышла утром, когда он уже ушел. Я посмотрѣла на часы и убѣдилась, что он ушел из дому ранѣе обыкновеннаго. Я сѣла к столу и стала пить кофе. Кофе был нисколько не хуже того, который приготовляла я.

И вдруг странная и совершенно не нужная для меня мысль пришла мнѣ в голову.

— Если он ушел раньше, вѣрно что нибудь случилось. Почему он ушел раньше обыкновеннаго?

Я стала ждать его к обѣду, но, конечно, спросить его о том, что меня мучило, я не посмѣла бы.

Он не пришел к обѣду. Сидя одна за столом, я чувствовала сильнѣйшее волненіе, Почему? Развѣ в первый раз мнѣ приходилось обѣдать одной?

И вдруг что то внутри меня шепнуло мнѣ: может быть, сегодня ты его и не увидишь...

И хотя я была в комнатѣ совершенно одна, я почувствовала, что я густо покраснѣла.

По утрам, обыкновенно, провожала Вадима Сергѣевича в переднюю и сама закрывала за ним двери.

Нѣсколько раз я замѣтила оскорбительное подглядываніе горничной, но скоро эти подглядыванія прекратились. В наших отношеніях не было ничего интереснаго для наблюденія.

До прихода домой Вадима Сергѣевича вечером, как бы поздно он не возвращался, я никогда не тушила свѣта в своей комнатѣ и не раздѣвалась, но выходить открывать парадную дверь по вечерам я не хотѣла.

В этот вечер я рѣщилась сама открыть ему дверь и по лицу его разгадать, не случилось ли с ним чего нибудь

Около десяти часов вечера раздался звонок. Я вскочила с мѣста и остановилась. Сердце мое учащенно забилось. Прошла минута или двѣ. Звонок снова зазвонил. Никто не пошевельнулся. Я поняла, что я во всей квартирѣ одна.

Плохо владѣя собой, я побѣжала и открыла дверь. Вадим Сергѣевич был бодрѣе обыкновеннаго. Обычная его грусть как будто разсѣялась.

Он стал извиняться за безпокойство и благодарить за любезность. Мы обмѣнялись нѣсколькими незначущими фразами и простились.

При прощаньи он поцѣловал мою руку.

В первый раз.

Я немедленно вошла в свою комнату, подошла к туалету, опустилась на табуретку и стала пред зеркалом разсматривать себя и свои глаза, которые при свѣтѣ электричества были совсѣм зеленые. Я разстегнула кофточку, потом медленно сняла ее и лифчик и отбросила их в сторону. Также медленно подняв голыя руки, я стала вынимать шпильки из волос. Рубашка опустилась до пояса, и я смотрѣла в зеркало на свои черные волосы, которых не гладила никогда чужая рука, на алыя, как кровь, соски своих грудей, которык никогда не смѣл коснуться посторонній взгляд...

Я не Катя, скрѣпившая любовью свой первый дѣвичій порыв, слыхавшая во всю жизнь только одно мужское признанье.

Увы! о моей первой дѣтской любви не знал и тот, кого, казалось, я любила. А признаній я много слышала и искренних и лживых, и робких и наглых. Я даже ходила на свиданья и получала много, много писем. Они лежат в ящикѣ туалета. Я отодвинула этот ящик, но тотчас захлопнула его. Я испугалась этой литературы. Я теперь боялась ея, как может бояться только замужняя женщина.

Я подняла руку и стала смотрѣть на мѣсто, которое он поцѣловал.

Для меня все стало ясно.

Я не уходила больше из дому, я провожала его до дверей и дожидалась его возвращенія, как вѣрная жена.

В Вадимѣ Сергѣевичѣ было два человѣка: один равнодушный, невнимательный и скучный, — другой блестящій, вдохновенный, преображенно красивый. Я любила его не таким, каким он был всегда, а таким, каким мог он быть только иногда.

Был послѣдній день іюля мѣсяца. Вадим Сергѣевич пришел к вечернему чаю. Он был очень оживлен. Как то удивительно ясны были его глаза и свѣжи губы, так свѣжи и почти так ярки, как красныя георгины в хрустальных вазах на столѣ.

Я поставила в столовой много кровавых и черных георгин и блѣдных кризантемных астр. Я знала, Вадим Сергѣевич очень их любил.

На бѣлой слатерти разливался голубой свѣт предвечерняго неба и оранжевые блики — вѣстники роскошнаго заката.

И в этот сумеречный час я почувствовала, что оба мы были единым ритмом и, может быть, одним желаньем.

Мы, говорили о театрѣ. Я знала всю театральную литературу. В то время, перед войной и даже в первый год войны, печать и гостинныя были полны споров о театрѣ и эстетизмѣ. Говорили об условности и реализмѣ постановок, об интимизмѣ и упрощеніи. Новаторы, послѣ знаменитой „Вампуки“ пытались внести художественный реализм в оперныя постановки. В то же время в драматическом театрѣ ставили пьесы все болѣе и болѣе загадочныя и сексуальныя.

Об этом я ему говорила и, увлеченная его ласковым вниманіем, спѣшила как примѣрная ученица разсказать все, что я вычитала в „Аполлонѣ“, книжках Сергѣя Волконскаго и в толстых журналах.

Он, казалось, был очарован; он слушал мой разсказ как откровеніе. Солнце уже зашло. По стѣнам, по полу и на столѣ, борясь с сумерками, пылали лиловыя и бронзовыя пятна.

Незамѣтно мы приблизились друг к другу. Со стороны могло казаться, что мы обнялись. О! я хотѣла бы, чтобы эти сумерки продолжались без конца. Он все время молчал, слушая меня, но властный опьяняющій блеск наших глаз сливался, все мое существо было проникнуто трепетом его тѣла. Он положил свою руку на мою и погладил ее. Я вся задрожала, и он заговорл:

— Вы думаете, что реализм на сценѣ невозможен, что он оскверняет искусство? Я думаю также. Но мы не должны смѣшивать реализма в постановкѣ театральной с реализмом в искусствѣ. Не будем говорить о содержаніи искусства и согласимся, что всякое искусство прекрасно.

Одинаково прекрасны японскія гравюры, китайскія вазы, персидскія миніатюры, античная скульптура, стѣнная живопись Помпеи, примитивы треченто, Рубенс и Рафаэль, Рибейра и Босх, Уистлер и Ропс, Гоген, Сѣров, мелодіи Рамо и шестая симфонія Чайковскаго.

Искусство театральное не есть искусство само по себѣ, в своем содержаніи; оно есть искусство техники, воспроизведенія. Талантливый актер все же исполнитель, а не творец. И если можно говорить о творчествѣ в интерпретаціи, об интуиціи музыканта, то этого нельзя сказать о сценическом ансамблѣ. А в этом таится все. Сценическое искусство есть искусство соотношеній. И техника его подчиняется тѣм же законам, что и техника других искусств. С любого тона вы можете начать любое музыкальное произведеніе: у вас будут мѣняться ноты, вам придется переставить всѣ бемоли и діэзы, но длительность нот, но интервалы, их взаимоотношенія всегда останутся одинаковыми. Иначе вы утеряете музыкальное сходство. Этот закон соотношеній, может быть, ни в каком другом искусствѣ не сказывается с такою силой, как в живописи. Художник, в распоряженіи котораго самая свѣтлая краска в тысячу триста раз темнѣе солнечнаго луча, не останавливается пред задачей передачи солнечнаго восхода.

Он, как музыкант, может начать свою композицію с любой цвѣтовой ноты, но он не должен ни на минуту забывать закона отношеній ни в силѣ свѣта, ни в формѣ. Иначе он утратит правду природы. На театральных подмостках все подчинено этому закону отношеній: ему подчиняются деиокраціи, движенія, человѣческій голос.

Будут ли начальной нотой сценическаго дѣйствія восточная фантастика декорацій или сѣрое сукно—соотношенія должны быть сохранены. Измѣнится лишь характер композиціи. Выбор его зависит от вас.

Он внезапно умолк, но чувствовалось, что мысль его углубилась и усложнилась, но он не захотѣл или побоялся мнѣ ее довѣрить.

Пред нами стояла неубранная посуда и застывшій самовар. В комнатѣ становилось почти темно. В смежной комнатѣ разлиты были отсвѣты вечерняго неба.

Он нѣжно прикоснулся к моей рукѣ и встал. Мы прошли через столовую и гостиную и вышли на балкон.

Улица становилась сѣро-голубой и темнѣла, но в небѣ еще

дрожали золотистыя полоски. Онѣ быстро гасли, и внизу вспыхивали блѣдно-желтыя электрическія солнца, окутанныя лиловой пылью.

В тот вечер мы не разставались долго. И, проводив меня, он вошел в мою комнату, окинул ее внимательным взглядом и, прощаясь, взял мои обѣ руки и каждую поцѣловал долгим поцѣлуем.

С этого дня Вадим Сергѣевич уходил из дому по свдим дѣлам на самое короткое время. Я больше не читала, не пѣла, не играла на рояли, я всегда была с ним.

Я старалась отогнать мысль, что Катя может вернуться.

Однажды вечером, когда моросил дождик, августовскій дождик ранней осени, мы сидѣли у него в кабинетѣ.

Он был грустен.

Я перелистывала книгу у стола; он медленно ходил, не говоря ни слова. Вдруг он подошел ко мнѣ, положил руку на плечо и сказал:

— Спойте, Зина, грустную пѣсенку Чайковскаго.

Я направилась к роялю, но он меня остановил.

Нѣт, не нужно; вот так, без инструмента... и без слов. Смотрите, по стеклам слезинками бѣгут дождевыя капли.

Я встала перед ним и начала пѣть.

И я видѣла, как он весь посвѣтлѣл, стал прозрачным и хрупким, глаза его сдѣлались влажными.

Когда я кончала послѣдніе такты, вѣки его дрогнули, по тѣлу его пробѣжал невидимый ток.

Он опустился на колѣни и, схватив меня за руки, усадил в кресло.

Как муж, как любовник, он положил свою голову на мои колѣни.

Развѣ он должен был спрашивать, хочу ли я этого?

Он приложил мои руки к своим щекам и сказал:

— Иногда нужно подводить итоги жизни, может быть, их сегодня нужно подвести.

Я, вся трепещущая, оставалась без звука, без движенія и он продолжал:

— Проходят дни, мѣсяцы и годы; в длинной их цѣпи нѣт воспоминаній. Я не помню, что было со мной год, пять, десять лѣт тому назад. Я помню мгновенія жизни, о которых ничего нельзя разсказать; они глубоко скрыты в моей душѣ...

Что я могу сказать о закатѣ, котораго я не увижу больше никогда, о звуках когда то слышанных, о любви, которая навсегда осталась тайной?

Он поднял голову и проник своим взглядом в мои глаза. И так тихо, что едва можно было разслышать слова, спросил:

— Зина, между нами нѣт неправды?

И, читая мой отвѣт в моих глазах, он охватил мою голову и прижал мои губы к своим.

Он расплел мои волосы, играл ими, цѣловал их, он цѣловал мои глаза и лоб, уши и шею и обжег своими поцѣлуями покров моих грудей. И с новым трепетом, все с большей страстью, он цѣловал мои плечи, спину, и в совершенном безуміи я искала его губ и замирала в безпамятствѣ, сливая свои губы с его губами.

Я, никогда не позволявшая себѣ носить открытыя платья, скромная и гордая дѣвушка, я была пред ним совершенно голая. Было ли мнѣ стыдно? Ни минуты. Мнѣ только хотѣлось его поцѣлуев еще и еще, и новыя его прикосновенія не могли утолить моей жажды.

Он поднял меня на руки, носил по комнатѣ, все цѣлуя и цѣлуя, заглядывая в глаза и вновь цѣлуя...

Я не знаю, как долго это продолжалось... Он принес меня в спальню и тихо, как ребенка, положил на свою постель.

Он повернул включатель, комната освѣтилась, и я увидѣла, что его вѣки дрогнули, как в ту минуту, когда я кончала послѣдніе такты грустной пѣсенки.

Я поняла его и взглянула на стоявшую рядом пустую кровать.

Я просила его подать мое платье и выйти из спальни. Кое как одѣвшись и не простившись, я ушла к себѣ.

Когда и гдѣ раньше я видала у Вадима это мучительное вздрагиванье вѣк?

Ах, да! В церкви, когда он вѣнчался с Катей... Я смотрѣла на него в упор, он почувствовал мой взгляд, не выдержал и вѣки его дрогнули... вот так, как теперь.

Утром меня разбудили веселые голоса Кати и Миши.

С пріѣздом Кати жизнь моя становилась невыносимой. Не стѣсняясь моего присутствія, она поминутно бросалась Вадиму на шею и цѣловала его.

Военныя обстоятельства принудили мою семью вернуться. Это было для меня очень кстати. Я могла оставить квартиру Вадима, не выдумывая никаких предлогов и не вызывая неудовольствія Кати.

Но и у себя дома, в безсонныя ночи, то я слышала шаги Вадима, то чудилось мнѣ, что он пришел домой и звонит.

У Кати я бывала рѣдко. Вадим ничѣм себя не выдавал, но стал он молчаливѣе обыкновеннаго.

Тосклива стала моя жизнь. Курсы окончены, музыка заброшена.

Идти в народ сѣять доброе, разумное, вѣчное... не могу я этого.

На двадцать втором году пора подумать о замужествѣ. Родители на этом настаивают. Можно выйти замуж за нотаріуса Козачковскаго, который давно за мной ухаживает, за доктора Свирцова, за начинающаго композитора Алданина всѣ они к моим услугам.

Ах! тяжело мнѣ это.

В нашем домѣ стал бывать друг моего брата архитектор Волынцев, страстный віолончелист. Брат мой, скрипач, очень цѣнил в нем партнера по тріо, и оба без конца заставляли меня выполнять фортепіанныя партіи. Засиживались они до утра. Никакія мои ссылки на усталость мнѣ не помогали... Сами то они были неутомимы. Так прошла зима.

Волынцев мнѣ нравился. Молодой еще, лѣт двадцати восьми с ясными синими глазами, он, видимо, мною восхищался, и я должна сознаваться, что он был лучше всѣх тѣх, которые за мною ухаживали раньше.

Он сдѣлал мнѣ предложеніе и я согласилась.

Несмотря на ужасы войны, свадьбу праздновали пышно. Родители Волынцева оказались очень богаты. Свадебная поѣздка не могла состояться вслѣдствіе войны, но Волынцев постарался обставить нашу квартиру с наибольшим изяществом. Все это было очень забавно, и я была искренно весела.

Послѣ свадьбы муж отвез меня к себѣ в дом.

Он был очень мягкій человѣк и не настаивал на своих супружеских правах. Я осталась ночью одна в спальной моего мужа и воспоминанія, казалось уже поблекшія, закружились с прежней силой. Утром я вышла к мужу измученная безсонницей. Он цѣлый день не оставлял меня одну: он был напуган чрезвычайно моей блѣдностью. Прошло нѣсколько дней.

Его ласковость и преданность тронули меня, и я стала его женой.

Но когда тайны брачной ночи открылись для меня, как пожалѣла я, что этого не случилось тогда, в ту августовскую ночь.

Я с мужем бывала вездѣ — в театрѣ, на выставках, концертах, у знакомых, были в гостях у Кати.

Она очень радуется моему счастю, подруги завидуют... Идет мой медовый мѣсяц.

И когда приходит ночь, я боясь выдать себя, отдаю свое тѣло мужу и думаю, напряженно, остро думаю, неужели Вадя, дорогой, милый Вадя так цѣлует ее. как меня цѣловал, развѣ он может ее так цѣловать? И я ревную, ревную до боли, до отчаянья.

В. УЛЯНИЦКІЙ.

* * *

Сломи мою тоскующую волю,
Когда мы снова встрѣтимся в борьбѣ.
Я лишь тебѣ господствовать позволю,
Моя свобода грезит о тебѣ.
Осенній день прозрачно безмятежен,
И зелена послѣдняя трава...
Когда придешь, ты будешь груб и нѣжен,
А я скажу холодныя слова.
На соснах бѣлки подняли потѣху,
Пойду взглянуть на их веселый бой...
А ты не вѣрь презрительному смѣху
И говори, как с преданной рабой.

* * *

Быя таинственный вечер, холодный, осенній,
На дорогѣ чернѣли нескладныя тѣни.
Мы блуждали втроем под блестящей луною,
И былая мечта не разсталась со мною.
Зазмѣились танго отдаленные звуки,
Запечалилось сердце, и дрогнули руки.
И под терпкую музыку, знойно-глухую,
Мнѣ сказали, что Вы цѣловали другую.

КАЛЬМА.

Идіот.

Марья Өедотовна сидѣла за воротами на лавочкѣ и грызла тыквенныя сѣмечки.

Был первый день Пасхи.

На церковной колокольнѣ краснопольскіе ребятишки с самой полуночи, не переставая, звонили во всѣ колокола. День был солнечный, яркій. Воздух, насыщенный испареніями, дрожал под лучами утренняго солнца.

— Христос воскресе!—поздоровался я с Марьей Өедотовной.

— Воистину воскрес!— отвѣчала она.

Мы похристосовались.

— Садись, Николаич, посидим, —предложила она мнѣ.

Я присѣл с ней рядом.

— Тепло, сказал я; настоящее лѣто...

— Когда пріѣхал? — спросила она меня, щурясь от солнца.

— Вчера.

— У заутрени был?

— Был...

— Кому, брат, праздник, а кому и горюшка непочатое мѣсто,— сказала Марья Өедотовна и вздохнула.

— А, что?

— Да, я о Лукерьѣ...

— Как это случилось? — спросил я.

Марья Өедотовна опять вздохнула и развела руками.

Потом она сказала:

— Думаю я, думаю другой раз и дивлюсь: почему это хорошим людям завсегда живется плохо, а негодникам и с горы и на гору катится? Возьмем хоть Лукерью... Отдали ее за вдовца... Можно сказать насильно.. Весь вѣк прожила с пьяным мужем... Потом похоронила... Была дочь — золотая дѣвка, вся в мать... Что-же? И та утопла! Сыновья — адіоты... Ну, скажи ты мнѣ, Николаич: есть послѣ этого правда на свѣтѣ?

— Весь міp на крестѣ распят, милая,—отвѣчал я.

Марья Өедотовна покачала головой.

— В прошлом году пошла Анютка в Самару,— сказала она. —Хотѣла зимой подработать, а к веснѣ сухарей в дом принесть... Она вѣдь всѣх их кормила... Шутка сказать: четыре рта! Теперь пропадут без нея... Дѣвка лучше парня была... Здоровая, умная... Ну... Из Москвы писала, что службу нашла няней... Потом писала, что к Пасхѣ, говорит, обязательно ждите, приду... Да, вот и пришла! Подруга с ней была и та утопла...

Марья Өедотовна помолчала.

— Знаешь, канаву-то за насыпью?—спросила она меня.

— Знаю...

— Там обѣ и утопли... Анютка то, должно быть, пошла первой по бревну, заглядѣлась на сторону и оступилась, а подружка стала ее вытаскивать... Она и подругу удернула к себѣ... Что-же: глубоко, канава крутая, вязкая, а на плечах мѣшок два пуда... Тут и мужику не выбраться...

Марья Өедотовна перекрестилась.

— Вчера привезли... Господи! Посмотрѣла я на Лукерью и думала—заплачусь до смерти... Стоит она в воротах, поджала руки к сердцу, а в лицѣ кровинки нѣту... Как каменная... Теперь сидит под навѣсом, не отходит от дочери... Дух тяжелый, непереносимый. Пять ден пролежавши в канавѣ.. Сидит!

Марья Өедотовна толкнула меня под бок и сказала:

— Смотри ка, смотри — адіоты вышли... Ох, вы мое золото!

Из избы Лукерьи показался длинновязый, косматый парень в холщевой рубахѣ и таких же портках. Он был без шапки. На ногах его одѣты были рваные опорки. Сильно сгибая на ходу ноги в колѣнях, он волочил за собою поперечную пилу. Слѣдом за ним шел его брат, ростом пониже, одѣтый также, как и первый. Он пугливо озирался по сторонам и, то и дѣло, присѣдал на землю, опираясь на нее руками...

— Никак пилить собрались? — засмѣялась Марья Өедотовна. — Так и есть!

Идіоты вытащили из под сарая слегу, положили ее на козлы и стали пилить.

Дѣло у них не спорилось. Высокій тянул пилу к себѣ, как супонь, а меньшой дергал ее и кривил на бок, причем по минутно оглядывался по сторонам и назад.

Пила гуляла по слегѣ и только скоблила ее.

— Этак и к будущему году не перепилят! — засмѣялась опять Марья Өедотовна.

Потом она крикнула идіотам:

— Петька, тяни прямо, не крути в сторону!

Петька вздрогнул и бросил пилу. Долговязый брат его Митька упал навзничь на землю.

— Видишь, какіе работнички остались у Лукерьи,—сказала мнѣ Марья Өедотовна.

Петька, присѣв к землѣ, смотрѣл на нее выпученными сѣрыми глазами и потом стал дѣлать ей знаки руками...

— Ах, ты поганец!—осердилась Марья Өедотовна.

Она подняла слежавшійся комок земли и бросила в него:

— Перестань!

Идіот не унимался. Он хохотал...

— Сходим к Лукерьѣ,—предложил я.

— А, ты не был?

— Не был...

— Пойдем...

Мы поднялись и пошли к избѣ Лукерьи.

Идіоты, завидя, что мы направляемся к ним, бросились со всѣх ног убѣгать и спрятались за сараем.

— Все таки понимают, что не хорошо дѣлали, — сказала Марья Өедотовна.

Мы вошли через калитку в ограду. Направо под навѣсом мы увидѣли Лукерью. Она сидѣла на табуретѣ в черном полушалкѣ, спиной к нам. Перед нею на двух скамьях рядом лежала покойница, покрытая наполовину бѣлой холстиной. В черных руках ея была иконка.

Трупный запах был слышен уже у ворот...

— Христос воскресе!—сказал я, подходя к Лукерьѣ.

Она посмотрѣла на меня. Ея коричневое, загорѣлое лицо было спокойно, почти безстрастно. Сѣрые глаза смотрѣли строго и немного надменно.

Она кивнула мнѣ головой и тихо отвѣтила:

— Воистину воскресе!

Я поклонился покойницѣ.

— Вот, Николаич, дождалась доченьку,—сказала Лукерья.

Она махнула безнадежно рукой, отвернулась и заплакала.

— Обѣщала... Ждите, говорила, к Пасхѣ... Живую, или мертвую... Сухарей принесу... Принесла кровиночка моя, два пуда...

— И тѣ теперь не гожи, — замѣтила Марья Өедотовна:

— Ничего, можно высушить...

Лукерья посмотрѣла на меня тоскливо.

— Сѣдим,—сказала она.

Потом она стала смотрѣть на дочь.

К нам подкрадывался от огорода Петька. Рот его был раскрыт и из него текли слюны... Глаза Петьки смотрѣли пристально на Марью Өедотовну. Он подкрадывался с остановками, присѣдая к землѣ.

Лукерья увидѣла его.

— Ты что?—погрозила она ему пальцем.

Он захохотал и, указывая матери на Марью Өедотовну, стал безстыдничать.

— Ступай, дурачек, в избу! — сказала мать.

Потом она обратилась к нам:

— Извините, ничего не понимает...

— Прощай, Лукерья Митревна, —сказал я.—Когда похороны?

— Завтра... Приходите помянуть покойницу.

— Спасибо...

Лукерья встала и попрощалась с нами.

Мы вышли из ворот.

Длинновязый идіот подбѣжал к нам, но не близко, и, размахивая руками, замѣчал:

— Мууу... Хууу... Во!

— Чего ему? спросил я.

— Видишь, Христос воскресе, говорит.. С праздником поздравляет!—скнзала Марья Өедотовна.

Она оглянулась назад. Петька настигал ее.

— Ты опять!—топнула она ногой.—Я тебя!..

Потом она сказала мнѣ.

— Адіот... Что с него взыщешь?

— Сдала бы их Лукерья коммунистам в коммуну, что ли, сказал я.

— И то правда, разсмѣялась Марія Өедотовна. Одного поля ягодки...

А. ОРЖЕХОВСКІЙ.

* * *

Задумчивыя, медленныя ночи,
И бѣлая разсвѣтная печаль,
И до зари несомкнутыя очи,
И утренняя синяя эмаль—

Как все старо и как по-дѣтски ново!
Пришел и мой таинственный черед,
И легкое, пьянительное слово
С раскрытых губ, стыдливое, нейдет.

КАЛЬМА.

Эпизод.

Мы шли на ночлег. Отдых был необходим—уже давно мы его не знали. Мой четвероногій друг закидывал иногда свою голову назад, точно желая спросить меня: скоро-ли мы остановимся и его заведут под крышу и накормят. Я гладил его по шеѣ, подбадривал голосом, на что он отвѣчал фырканіем и усиливал ход.

Увы, вскорѣ мнѣ пришлось разстаться с ним навсегда: осколок шрапнели сразил его, пощадив меня.

Мы только что прошли опушкой лѣса. Отступавшая австрійская батарея почти цѣликом умерла там. Повидимому, она искала в лѣсу спасенія от наших орудій. Ея головная пушка застряла на узкой лѣсной дорожкѣ между деревьями, батарея смѣшалась, сбилась в кучу и остановилась. Лѣс оказался западней. Пред нами предстала такая картина: орудія, передки, ящики, люди, лошади, срѣзанныя снарядами вѣтви—все это сплелось, перепуталось в одну массу.

Прислонившись спиной к дереву, с поникшей на грудь сѣдой головой, казался точно дремлющим мертвый офицер— очевидно командир батареи. Нѣсколько поодаль, навзничь с раскинутыми в стороны руками, с открытыми, наполненными ужасом глазами, лежал красавец, юноша-офицер.

Я нагнулся и поднял лежавшую возлѣ него полевую записную книжку и карандаш. Вѣроятно он собирался писать донесеніе. В книжкѣ я нашел фотографію его, снятаго с молодой дѣвушкой. Какія славныя, полныя жизни лица! Неумолимый рок раз'единил их навсегда. Я оказал убитому послѣднюю услугу — закрыв ему глаза.

— — — — —

Вечерѣло. Мы вошли уже в район, намѣченный для отдыха. В сторонѣ, на небольшой возвышенности, одиноко стояла помѣщичья усадьба. Для ночлега это было вполнѣ удобно. Оцѣпив ее патрулями, я направился с товарищами к барскому дому, который стоял окруженный садом. Никѣм не встрѣченные, мы вошли в переднюю. Там тоже никого не было. В полумракѣ мы разсмотрѣли на вѣшалкѣ два офицерских пальто. Обстоятельство это смутило нас, но не отступать же было? Из сосѣдней комнаты слышны были оживленные голоса. Мы постучали в дверь, она открылась и мы очутились в сто

ловой. За столом сидѣло цѣлое общество — дам и мужчин. Наше появленіе произвело ошеломляющее дѣйствіе: всѣ замолкли с устремленными на нас глазами и застыв в позах, в каких застало их наше внезапное появленіе.

Я обратился по польски с вопросом, что мнѣ необходимо переговорить с хозяином дома. Нам указали на привставшую на противоположном концѣ стола старушку.

Мое обращеніе на польском языкѣ видимо подѣйствовало успокоительно на общество, но всѣ глядѣли на нас еще с большей тревогой и любопытством.

Я передал старушкѣ, что обстоятельства войны заставляют нас просить гостепріимства на одну ночь, а также не отказать в хлѣбѣ нашим людям и кормѣ лошадям.

Отвѣт дан был утвердительный и мы получили приглашеніе занять мѣста за столом.

— Вы, конечно, голодны,—сказала она.—У меня тоже два сына в арміи. Быть может, и они сейчас нуждаются в пріютѣ как и Вы, а может быть кого либо из них нѣт уже в живых? Ея голос дрогнул и слезы покатились по ея блѣдным щекам.— В моем домѣ,—добавила она,—вас встрѣтит истинно славянское гостепріимство.

Поблагодарив, мы попросили разрѣшенія выйти на время для отдачи распоряженій людям. Мы вышли обласканные простым, сердечным пріемом хозяйки дома. Мы чувствовали точно материнская ласка коснулась нас. Офицерскія пальто нас больше не тревожили.

Пришлось представиться всѣм, обѣдавшим.

Моего уха рѣзко коснулась нѣмецкая фамилія одного из присутствовавших. Я невольно пристально взглянул ему в лицо. Что то непріятное поразило меня.

Нас усадили за столом по сторонам хозяйки. Все ея вниманіе сосредоточилось на нас. Эта мирная, семейная обстановка, всеобщее вниманіе к нам и любезность окружавшие нас заставили забыть на время переживаемыя тревоги и освободили наше настроеніе от напряженнаго состоянія.

Обмѣниваясь случайными взглядами с сидѣвшими за столом, я обратил вниманіе на француженку-гувернантку. В ея глазах свѣтилось сочувствіе к нам, нескрываемая радость, что она видит нас, русских, союзников ея родины.

Послѣ обѣда мы направились в предоставленную нам комнату, соединявшуюся непосредственно с передней. Там были уже приготовлены постели. Подушки, одѣяла, чистое постельное бѣлье манили нас к себѣ, как запрещенный плод.

Я подошел к письменному столу и остановился, пораженный стоявшей на нем фотографіей. Это была, та самая, какую я нашел в полевой книжкѣ убитаго офицера. Я не вѣрил глазам своим и, подозвав товарища, указал ему на карточку.

— Видите, узнаете?

— Да, это та же, что при Вас! —Всмотритесь, — добавил он,—в лицѣ убитаго есть сходство с хозяйкой дома. Это один из ея сыновей!

В домѣ воцарилась тишина. Видимо всѣ разошлись по своим углам. Не раздѣваясь мы прилегли, обмѣниваясь неожиданными впечатлѣніями. Усталость куда-то исчезла. Прошло не болѣе часа, как мы услыхали осторожный стук в нашу дверь.

Пріоткрыв ее, я очутился лицом к лицу с француженкой. Она торопливо сунула в мою руку клочек бумажки и быстро исчезла, выбѣжав в сад.

Я оторопѣл, не поняв этой неожиданной сцены. Записка гласила: „Будьте на сторожѣ: Барон, нѣмец, гостящій тут не внушает довѣрія".

Записка встревожила нас.

Чтобы не возбуждать вниманія, мы рѣшили по очереди дежурить всю ночь и повѣрять охрану.

Я вышел. Почти полночь. Над головой безоблачное небо, усѣянное миріадами мерцающих звѣзд. Иногда небосклон прорѣжет серебрянная лента, так называемой падучей звѣзды. Кругом тишина—все спит, только из сосѣдней деревни доносится тревожный лай собаки.

Я пошел вмѣстѣ с дежурным повѣрить ближайшую охрану.

Выйдя за околицу усадьбы, мы наткнулись на драгун, конвоировавших какого-то человѣка.

Они сообщили, что только-что задержали его, пробиравшагося тайком из усадьбы. Старшій подал мнѣ записку, отнятую у пойманнаго.

Задержанный сообщил, что барин его, барон, приказал отнести ее на телеграфную станцію, отстоящую отсюда в нѣскольких километрах. Бѣдняк от страха повалился к моим ногам, увѣряя что он ничего не знает и что он исполнил только приказаніе своего барина. При помощи электрическаго фонарика я прочел бумажку. То было увѣдомленіе о нашем пребываніи в усадьбѣ и предложеніе сообщить об этом в г. Х.

С облегченным сердцем я вернулся. Товарищ крѣпко спал. Я не тревожил его и сам прилег, чтобы воспользоваться оставшимися двумя-тремя часами столь долгожданнаго отдыха, но сон бѣжал от меня.

Начались приготовленія к выступленію. На востокѣ появились уже первые вѣстники дня. В саду вершины дерев позолотило восходящее солнце и луч его упал на фотографію убитаго. Кони наши уже у крыльца. В передней собрались мужчины, чтобы проститься с нами и среди них был ничего не подозрѣвающій нѣмец, барон.

Мы вышли.

Я направился к барону и, показав ему захваченную записку, спросил:

— Это вы писали?

Он поблѣднѣл, зашатался и чуть не упал, только стѣна поддержала его.

Присутствующіе были в изумленіи.

Я разсказал о ночном приключеніи и прочел содержаніе записки.

Всѣ растерялись.

Тогда я обратился к присутствующих со словами:

Г.г. примите и передайте хозяйкѣ дома нашу искреннюю сердечную благодарность за гостепріимство. Чтобы не оставить о нашем пребываніи в ея домѣ непріятных воспоминаній, поступок барона, ея гостя, предоставляем Вашему суду и его личной совѣсти. Мы не сомнѣваемся, что суд Ваш будет для него чувствительнѣй, чѣм рѣшеніе полевого суда, которому он подлежит по законам военнаго времени. Еще раз примите нашу благодарность!

Мы были уже на конях.

Глаза мои остановились на одном из окон верхняго этажа В окнѣ кто-то торопливо вытирал запотѣвшее от утренняго холода стекло. В нем вскорѣ обрисовался придавленный к стеклу носик француженки. Глаза ея и рука посылали нам лучшія пожеланія.

Мы приподняли фуражки и двинулись.

Через три часа уже опять жужжали пули и гремѣли пушки...

З. БУРУНДУКОВ.

Справки о бѣженцах.

Просят сообщить свѣдѣнія о судьбѣ и мѣстопребываніи:

Поручика Николая Владиміровича Сарангова и прапорщика Бориса Дієвича Орлова, офицеров 6. сѣверо-западной арміи Т Юденича по адресу: Лагерь Пакулицы № 4, Тульскій пол. Ст. Унт. Оф. В. Я. Іогансон.

Ольги Александровны и Александра Николаевича, кн Волконских, Тамары Николаевны, Авенира Николаевича и Николая Николаевича Федоровых, по адресу: Варшава, Новый Свѣт 22 Ред. газеты „Свобода" для А. Н. Ф.

Маріи Цезеровны Шеміот по адресу: Пикулицы, лагерь интернированных № 4 Тульскій драгунскій полк, 1 эскадрон Константину Исидоровичу Шишко.

Владиміра Панько, по адресу: Украинская армія кіевской дивизіи, 4-й конный полк бунчужный Н. Панька, лагерь Александров.

Б. офицеров русской арміи и гвардіи— Бориса, Михаила и Ивана Барон-Раушфон-Траубенбергов, проживающих в Польшѣ, или лиц, знающих что-либо о них, по адресу: Aleksandrów Kujawski, tabor internowanych Nr. 6. Kijowska dywizja sotnik Sawczyński.

Т. Я. Кащицкаго, В. М. Покревскаго, А. Е Новацкаго, В. Н. Песчехина, А. К. Бурак, М. Т. Килькевич, И. Т. Чернякова, И. Дмитріева, Н. А. Захарова по адресу: Przemyśl — Pikulicy. S. I. Priwalowicz-Zamorskij.

Полковник конной артиллеріи Константин Дмитріевич Липовецкій разыскивает своих братьев: Василія и Евгенія, служавших в добр. арміи. Русскія газеты Константинополя, Вѣны, Бѣлграда и Парижа, прошу перепечатать. Адрес: Wadowice, Obóz internowanych Petlurowców. Osobna konna dywizja

Н. А. Левин, бывшій Довѣренный Т/Д. Бр. Яушевы в Челябинскѣ, а в 1916—18 году завѣдывающій Московской конторой одной кооперативной организаціи, просит откликнуться своих знакомых особенно Максима Осиповича Гуревич и Исая Яковлевича Фридман по адресу: Китай, Mr. N. Zevin, 70 Szechuen Road Shanghai, China.

О розыскѣ.

бѣженцев, поселившихся в Константинополѣ и его окрестностях надлежит обращаться в Россійское консульство, в Русскую миссію или в спеціальное Бюро по розыскам по адресу: Bureau général russe des renseignements, 14 rue Agats, Constantinople (Turquie).

Театр и музыка.

Сегодня:

Большой. „Галька".
Розмаитости. „Царевич Алексѣй".
Редута. „Прохожій".
Польскій. „Венеціанскій купец".
Малый. „Незрѣлый плод".
Новости. „Послѣдній вальс".
Пражскій. „Mme Sans Gêne".
Посмехны „Конституція".
Драматическій. „Царица".

БИРЖА.

На вчерашней биржѣ котировались: доллары по 846—820 франки по 65—63.

Редактор-издатель В. Н. РЫМЕР. Drukarnia Literacka Nowy Świat 22,